

А. М. ХАЗАНОВ

«ИСЧЕЗНУВШИЕ НАРОДЫ». САРМАТЫ

«Природа», 1978, № 11

Античные авторы, а вслед за ними современные исследователи, называют сарматами группу родственных племен и племенных объединений, в основном обитавших в I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. на юге Европейской части СССР и сыгравших важную роль в древней истории СССР и сопредельных стран, в этногенезе многих народов. Правда, этноним «сарматы» до известной меры условен. Судя по всему, савроматы, сирматы, сираки, язиги, роксоланы, аорсы и другие, менее известные сарматские объединения, не обладали сколько-нибудь развитым этническим самосознанием, постоянно враждовали друг с другом и едва ли осознавали себя единым целым. Тем не менее они говорили практически на одном и том же языке, вели один и тот же или сходный образ жизни, первоначально образовывали один территориальный массив и были очень близки друг другу в культурном отношении. Если к этому добавить значительную общность исторических судеб, то наличие их общего наименования станет достаточно обоснованным.

Формирование любого этноса обычно проследить значительно труднее, чем его последующую историю. И все же происхождение сарматов в самых общих чертах – уже не загадка. И поскольку любой вновь появившийся на исторической арене этнос является не только итогом длительного предшествующего развития, но и в известной мере новообразованием, историю сарматов обоснованнее всего начинать с событий, связанных со становлением в евразийских степях кочевого скотоводства.

В начале I тыс. до н. э. из-за изменившегося климата и ряда других причин большинство скотоводческо-земледельческих племен, обитавших в Великом поясе евразийских степей, полупустынь и пустынь, протянувшимся от Дуная до Северного Китая, перешли к кочевым и полукочевым

формам скотоводства, при которых подвижность населения резко возросла, а удельный вес земледелия даже в качестве подсобного занятия стал значительно ниже, чем прежде. Этот, по-видимому, достаточно быстрый и резкий сдвиг повлек за собой целый ряд далеко идущих последствий.

Освоение кочевниками доселе малонаселенных степных пространств, их борьба с соседями и друг с другом за скот и пастбища вызвали целый ряд миграций, этнических перегруппировок, появление новых социально-политических образований. Именно в первые века I тыс. до н. э. на исторической сцене появляются многие объединения евразийских кочевников – киммерийцы, скифы, саки, массагеты и многие другие. И среди них савроматы – один из предков собственно сарматов.

Наиболее древняя гипотеза о происхождении савроматов донесена до нас отцом истории Геродотом¹. Он сообщил, что савроматы – потомки амазонок, волею судеб заброшенных на берега Дона, древнего Танаиса, и скифских юношей, вступивших с ними в брак. После этого события амазонки со своими мужьями переселились в междуречье Дона и Волги и там положили начало новому этносу. Несмотря на всю свою легендарность, сведения Геродота, по-видимому, содержат рациональное зерно. Савроматы действительно были ближайшими родственниками скифов, так как оба народа говорили на языках североиранской группы или даже на диалектах одного языка². Во всяком случае они могли понимать друг друга без переводчиков – Геродот писал, что «савроматы говорят языком скифским, но с давнего времени искаженным»³.

Начальная история савроматов также, по-видимому, была тесно связана со скифской. Можно даже предположить, что первоначально они входили в сферу скифского политического влияния. Неизвестно, принимали ли савроматы, точнее их предки, участие в скифских походах в Переднюю Азию. Предположение об этом было высказано, но окончательно его пока нельзя считать доказанным. Однако формирование савроматского (или савроматских) племенного объединения, может быть, даже первое вычленение и обособление его из сравнительно недифференцированного массива североиранских племен, едва ли произошло ранее VI в. до н. э. и как-то было связано с возвращением скифов в Северное Причерноморье.

Как известно, двадцативосьмилетняя гегемония скифов в Передней Азии закончилась для них весьма печально. Царь мидийцев Киаксар пригласил их вождей на пир и, предварительно напоив, вероломно перебил.

---

¹ Геродот. История, IV, 110–116.

² АБАЕВ В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 121.

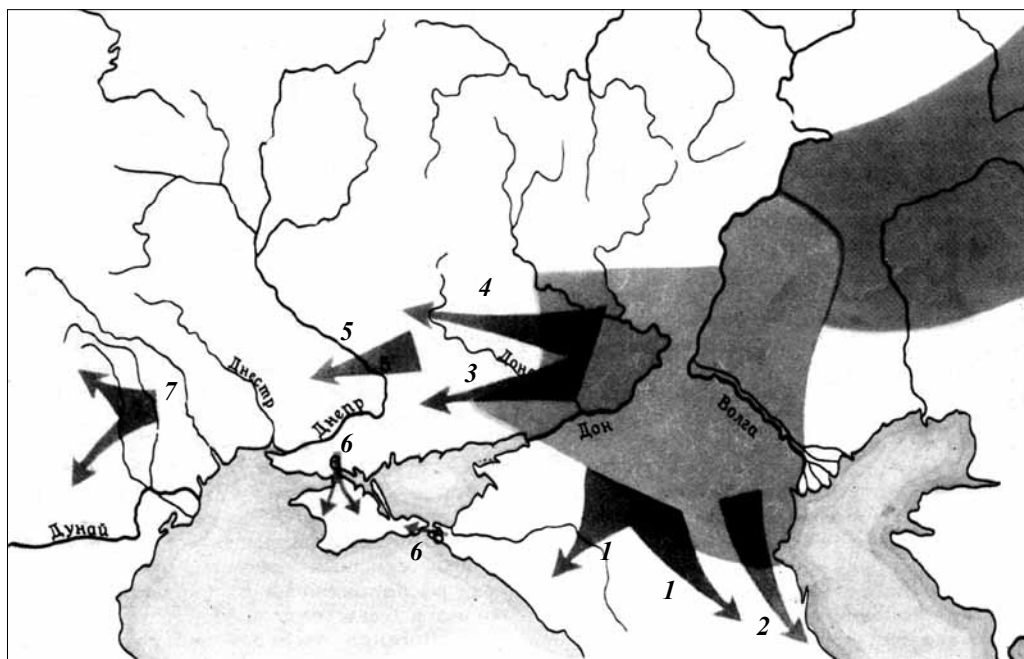
³ Геродот. Цит. соч., IV, 117.

Скифы вынуждены были вернуться в Предкавказье и оттуда вновь завоевывать Северное Причерноморье, потому что обитавшие там племена за время пребывания скифов в Передней Азии успели от них отложиться. Возможно, что именно в это время скифы потеснили савроматов к востоку, что нашло отражение в переданной Геродотом легенде. Более поздний автор – Диодор Сицилийский – назвал савроматов в числе покоренных скифами племен. Едва ли это верно, но савроматы могли действительно испытывать некоторое политическое воздействие своих западных соседей. Во время похода персидского царя Дария I на скифов (около 514 г. до н. э.) савроматы были верными союзниками скифов, а еще позднее, в середине V в. до н. э., скифские купцы беспрепятственно проходили через территорию савроматов.

Однако савроматы были только западной частью большого племенного массива, археологическая культура которого, по традиции именуемая «савроматской», окончательно сформировалась к VI в. до н. э. Территория ее распространения, начинаясь в Волго-Донском междуречье, простирается до Южного Приуралья и теряется где-то в малоисследованных районах Северного Приаралья. Культура одна, но отдельные черты погребального обряда, инвентаря, искусства позволили разделить ее на два варианта: волго-донской и самаро-уральский. Возможно, в дальнейшем эти варианты в свою очередь удастся разделить на ряд подвариантов.

Западный (волго-донской) вариант савроматской археологической культуры или какая-то его часть прямо связан с теми савроматами, о которых писал Геродот. Сложнее обстоит дело с носителями восточного варианта. Безусловно, они – не геродотовы савроматы в конкретно этническом смысле этого слова, потому что Геродот локализует последних гораздо западнее. В восточном варианте имеются черты, сближающие его с культурами древних кочевников Средней Азии и Казахстана, которых довольно условно называют саками и массагетами. Некоторые исследователи полагают, что восточный вариант принадлежал исседонам – народу, который упоминается у Геродота и некоторых других античных авторов, или даже непосредственно племенам сако-массагетского круга. отождествление с исседонами, вполне допустимое, все же мало что говорит об этнической принадлежности носителей восточного варианта, поскольку не исключено, что слово «исседоны» в первую очередь имело политическое значение – для наименования племенного объединения или господствующего в нем племени. Едва ли оно было самоназванием: восточные источники его не знают, да и в античных – в послегеродотово время – оно встречается в основном по традиции.

Что касается принадлежности носителей восточного варианта к сако-массагетскому кругу, то все же надо учитывать, что их культура отличалась

Карта расселения сарматских племен на территории СССР
(VI в. до н. э. – первые века н. э.).

- савроматское объединение VI–IV вв. до н. э.
- памятники южноуральской группы VI–IV вв. до н. э.
- территория, занятая сарматами в III–II вв. до н. э.
- основные направления сарматских миграций: 1, 3 – III–II вв. до н. э.; 2 – III–I вв. до н. э.; 4 – II в. до н. э.; 5, 7 – I в. н. э.; 6 – первые века н. э.

от материальной культуры сакских племен Средней Азии и Казахстана. Все североиранские племена, особенно соседние, были в языковом и культурном отношении очень близки друг другу. Поэтому их конкретную этническую принадлежность древние авторы чаще всего определяли в зависимости от их принадлежности к тому или иному объединению, а она у кочевников могла меняться, и не раз. В зависимости от конкретных обстоятельств племена Южного Приуралья могли быть и «исседонами», и «саками», и другими, и притом оставаться родственными как сакам на востоке, так и савроматам на западе. Так обстояло дело в VII–V вв. до н. э. В соответствии с экологической обстановкой «савроматы» и их восточные соседи и родственники в основном были кочевниками, разводили овец и лошадей, летом откочевывая на север, а на зиму спускаясь на юг, к устьям рек и другим

водоёмам. В это время они были беднее скифов, точнее – скифской знати, а культура их была менее рафинированной. В отличие от скифов у них еще не возникло своего государства, а социальная стратификация была менее глубокой. Вероятно, главная причина заключалась в том, что скифы смогли подчинить себе и эксплуатировать многочисленные земледельческие племена. Сарматам таких возможностей не представилось; к тому же они были раздроблены и, по-видимому, нередко враждовали друг с другом.

Каждый сарматский мужчина был воином, в первую очередь – легковооруженным всадником-лучником. Более богатые и знатные воины имели длинный меч и тяжелое копьё и практиковали ближний бой. Впрочем, сражались не только мужчины.

Одна особенность савроматов настолько поражала древних греков, что упоминание о ней стало почти обязательным канонem. Эта особенность – свободное и независимое положение женщин по сравнению не только с греческими, но и скифскими, их участие в общественной жизни, отправлении культа и даже войнах. Савроматов называли «женоуправляемыми», писали, что они женам своим во всем повинуются как господам; и девушку не прежде выдают замуж, чем она убьет врага.

Конечно, в подобных утверждениях много преувеличений. Но почетное положение женщин хорошо подтверждается даже археологией. Не менее 20% всех савроматских погребений с оружием – женские. Женские погребения, выделяющиеся своим богатством, нередко занимают у савроматов центральное место в кургане или во всем могильнике. Иногда они даже сопровождаются мужскими жертвоприношениями. Очевидно, в это время и даже немного позднее у савроматов сохранялся материнский счет родства – для кочевников явление очень редкое, но все же не исключительное.

Почти три века история сарматских племен развивалась сравнительно спокойно, без заметных потрясений, но в IV в. до н. э. положение дел изменилось. К этому времени в Южном Приуралье савроматская археологическая культура сменилась раннесарматской (прохоровской). Ее формирование было связано не только с местной эволюцией, но и с появлением пришлых племен из Зауралья, Казахстана и Приаралья. Не позднее рубежа IV–III в. до н. э. новая культура, очевидно, вместе с ее носителями распространилась в Нижнем Поволжье. Их проникновение туда, судя по всему, было отнюдь не мирным. Возможно, с ним было связано отступление на запад сираков и сирматов, а скорее всего осколков собственно савроматского объединения времен Геродота.

На рубеже V–IV вв. до н. э. сарматы переходят на правый берег Дона, а во второй половине IV в. до н. э. часть их племен обитала уже в приазовских степях. Вскоре началось сарматское продвижение в юго-западном на-

правлении, в сторону Кавказа. При этом некоторые сарматские племена воевали с обитателями Таманского полуострова и Боспорским царством – крупнейшим греческим государством в Северном Причерноморье.

Объясняются ли все эти перемещения только обычным для кочевников стремлением расширить пастбищную территорию за счет соседей, погоней за скотом и добычей, или хотя бы отчасти они были связаны с событиями иного порядка? На память сразу же приходит фантастический поход Александра Македонского и завоевание им Средней Азии в 330–328 гг. до н. э., вызвавшие целый ряд миграций кочевых племен в евразийских степях. Не было ли движение сарматов, или точнее его интенсификация, в конце IV в. до н. э. одним из последних его отголосков?

Как бы то ни было, но в III–II вв. до н. э. сарматы уже активно вмешиваются в политические отношения Северного Причерноморья и даже Малой Азии. Царь каких-то европейских сарматов Гатал воевал на стороне Понта – государства на южном побережье Черного моря – и наравне с другими государствами Причерноморья участвовал в 179 г. до н. э. в заключении мирного договора. Легендарная сарматская царица Амага спасла осажденный скифами греческий полис Херсонес, расположенный в пригороде современного Севастополя.

Легенда легендой, но в III–II вв. до н. э. действительно усилился сарматский натиск на слабеющую Скифию. Сарматские погребения этого времени обнаружены в бассейне Северского Донца и на Днепровском Левобережье. А в конце III или в начале II в. до н. э. произошла решающая война со скифами. Сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»⁴.

Правда, скифо-сарматские отношения на этом не завершились, и враждебность временами сменялась союзами. Так, в конце II в. до н. э. одно из крупнейших сарматских объединений – роксоланы – вместе со Скифским царством в Крыму воевало против Диафанта, прославленного полководца царя Понта Митридата Эвпатора. Но чаша весов истории уже склонилась на сторону сарматов окончательно и бесповоротно.

Возможно, одновременно с продвижением сарматов на запад или немного позднее какая-то часть их двинулась на восток, в Среднюю Азию. Там она сыграла свою роль в бурных политических событиях II в. до н. э., когда кочевники заняли многие земледельческие области и разгромили Греко-Бактрию, государство, возникшее в результате похода Александра, дальний форпост греческого могущества. Правда, культура тех, кто оста-

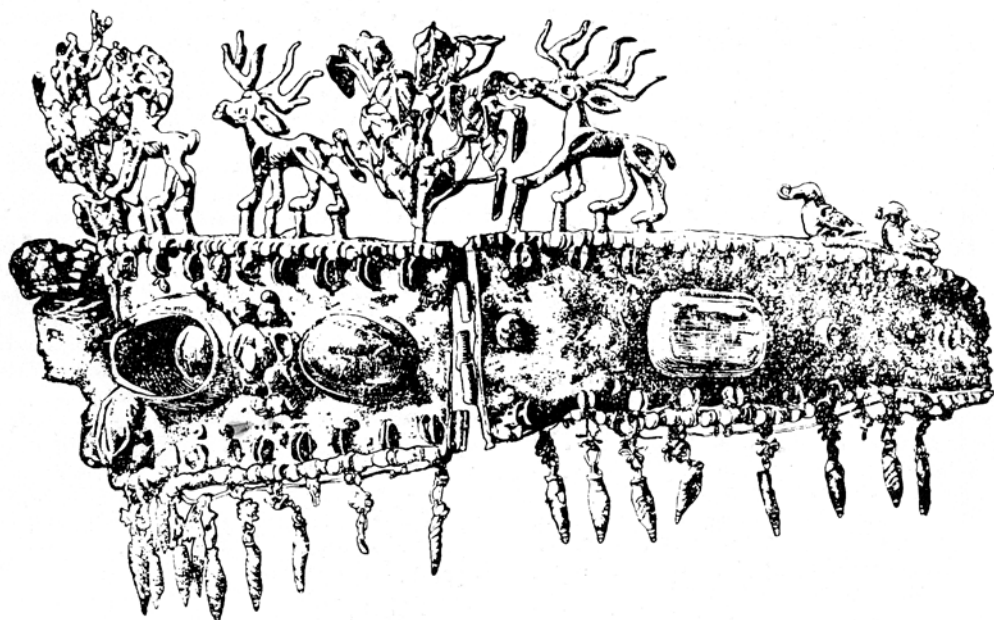
---

⁴ Диодор Сицилийский. Библиотека, II, 43.

вил Лявандакский, Кую-Мазарский и ряд других среднеазиатских могильников, не была тождественна культуре сарматов Поволжья и Северного Причерноморья, но была очень близка ей. Присутствие в Средней Азии определенного сарматского или сарматоидного элемента становится тем более понятным и объяснимым, если мы вспомним, что и для предшествующего времени нельзя провести четкой границы между сарматскими и сако-массагетскими племенами ни в языковом, ни в культурном отношении.

Во II в. до н. э. передвижения евразийских кочевников достигли очередной кульминации. В движение пришла вся степь, начиная с Центральной Азии, и, очевидно, сарматские миграции надо рассматривать не как изолированное явление, а в общем потоке исторических событий всего региона.

События IV–II вв. до н. э. многое изменили в социальной и политической истории сарматов. Их относительная изоляция, вызванная сравнительной удаленностью от передовых центров цивилизации, закончилась. Сарматы становятся соседями ряда земледельческих племен и народов, вступают в разнообразные непосредственные контакты с греко-римским миром. Все это не могло пройти бесследно для их развития. Видимо, не случайно к концу раннесарматской культуры всякие намеки на существование у сарматов матрилинейности исчезают – они оказались в окружении патрилинейных народов, вступив с ними в тесные и перманентные связи.

Сарматская золотая диадема из Новочеркасского клада.

Военные победы сарматов отчасти объясняются их вооружением и тактикой. Чем дальше, тем большее значение приобретал у них ближний бой, который вели отдельные дружины полупрофессиональных воинов, лучше других вооруженные и обученные. До тех пор, пока сарматы непосредственно не сталкивались с армиями античных государств, этого было достаточно. Но в войне с Диафантом сарматы потерпели сокрушительное поражение, причины которого были очевидны уже в древности. «Против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги⁵, – писал географ Страбон, – всякое варварское войско оказывается бессильным. И действительно, роксоланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под началом митридатова полководца Диафанта, и большинство их погибло»⁶.

Сарматам, стремительно выходявшим на тогдашнюю мировую арену, где их столкновение с греческими и римскими войсками было неизбежно, требовалась реформа войска. Она была проведена, притом довольно быстро, в основном в I в. до н. э. – I в. н. э., и привела к появлению специализированной тяжелой конницы – катафрактариев.

Катафрактариями называли строй тяжеловооруженных, закованных в доспехи всадников, атаковавших противника в тесно сомкнутом строю с целью прорыва его войска. Внешне катафрактарии походили на средневековых рыцарей, отдаленными предками которых они и являлись. Но между ними были важные различия в вооружении и еще больше в тактике. У катафрактариев не было стремян, и, главное, они вели бой не индивидуально, а в строю, опрокидывая противника пиками и добивая его длинными мечами в рукопашном бою. Катафрактарии явились оружием, которое Восток с его традиционным преобладанием конницы изобрел для борьбы с греческой и римской пехотой, и сарматы были одним из народов, участвовавших в его создании⁷. Последствия не заставили себя ждать. Если еще Страбон отмечал слабости сарматской конницы, то уже римский историк Тацит вынужден был констатировать: «Вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд»⁸.

Начиная с I в. до н. э. история сарматских племенных объединений, ставших постоянным фактором в политической истории античного мира, более чем когда-либо полна войн, походов и переселений.

---

⁵ Фаланга – строй тяжеловооруженной пехоты, распространенный в греческих и эллинистических государствах.

⁶ СТРАБОН. География, VII, 3, 17.

⁷ ХАЗАНОВ А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

⁸ ТАЦИТ. История, I, 79.

На западе сарматы проникают в Подунавье, и сосланный в Томы Овидий в своих скорбных элегиях неоднократно упоминает сарматские набеги, наводившие страх на местное население. Наиболее западное из сарматских племенных объединений – язиги уже к середине I в. н. э. заняли равнину между Дунаем и Тиссой и на несколько веков стали беспокойными соседями Рима, иногда предпринимая на него набеги, иногда выступая как его союзники и при случае вмешиваясь в его внутренние междоусобицы. Даже в далекой Британии в расквартированной там римской армии служили во II в. н. э. язигские всадники.

За язигами к границам Империи продвинулись роксоланы, большая часть которых поселилась на территории Румынии. Особенно страдала от их набегов провинция Мезия. Во II в. н. э. роксоланы добились от Рима уплаты довольно регулярной дани под видом подарков и с оружием в руках боролись против попыток ее уменьшить. В III в. н. э. приток сарматов в Центральную Европу еще более возрос.

Но основной массив сарматских племен в последние века до н. э. – первые века н. э. находился в Восточной Европе, причем сарматское население Приуралья все время уменьшалось, а Поволжья – увеличивалось.

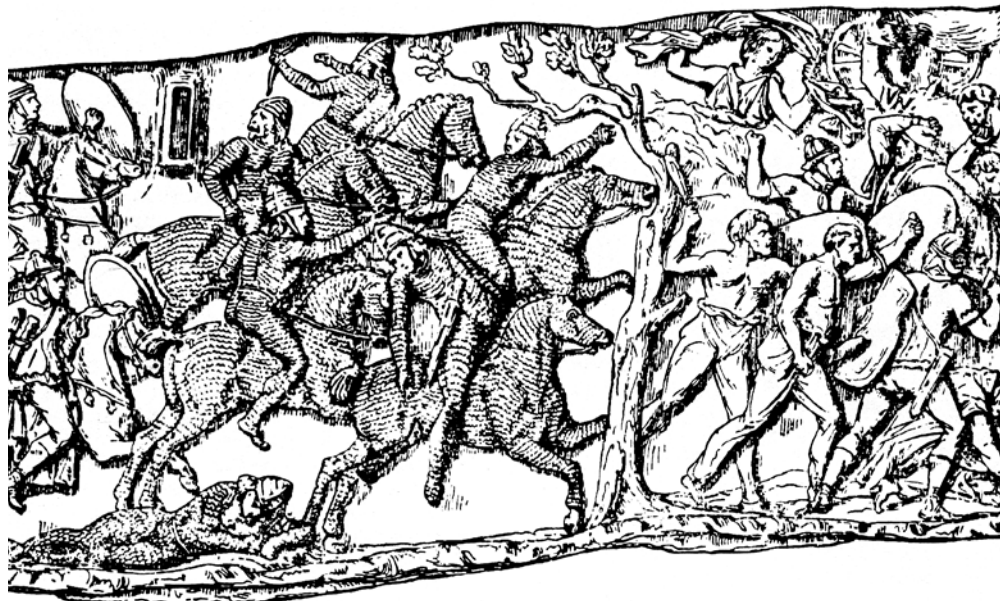
Во II в. до н. э. – I в. н. э. самыми сильными и многочисленными среди сарматов были племена аорсов, кочевавшие от Дона до Каспия. Об их сравнительной силе свидетельствуют следующие цифры. В I в. до н. э. «царь сираков Абеак... выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов Спадин – даже двести тысяч, а верхние аорсы – еще больше». Аорсы «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения»⁹.

В Восточной Европе сарматы принимают участие на стороне Митридата Эвпатора в его отчаянной борьбе с Римом, активно вмешиваются во внутренние дела Боспорского царства. Его материальная культура подверглась сильной сарматизации, и, вероятно, даже новая династия имела сарматское происхождение. Одновременно усиливается сарматское проникновение на Северный Кавказ, сарматы предпринимая неоднократные походы и набеги в Закавказье и Малую Азию, играют важную роль в парфяно-армяно-иберийских политических отношениях.

Уровень развития различных сарматских племен и племенных объединений был неодинаковым. Очевидно, наиболее развитым было сиракское объединение на Северном Кавказе, подчинившее себе меотские земледельческие племена. Страбон писал про сираков, что «одни из них кочуют,

---

⁹ СТРАБОН . География, XI, 5, 8.

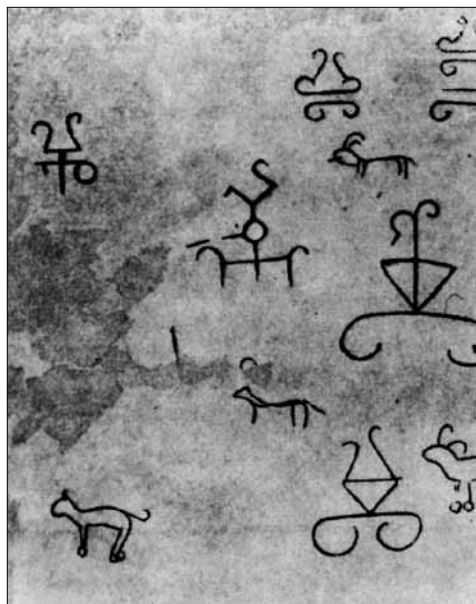
Сарматские катафрактари. Барельеф на триумфальной арке Траяна (II в. н. э.).

другие живут в шатрах и занимаются земледелием»¹⁰. Возможно, у сираков на какое-то время даже возникло свое государство. Другие племенные объединения к рубежу эр, вероятно, несколько отставали в своем развитии, но вряд ли намного. О богатстве, сосредоточившемся в руках сарматской аристократии, свидетельствуют так называемые клады, найденные в Приазовье и на Украине, – частично действительно клады, частично разрушенные погребения. Их составляют импортные изделия, посуда и предметы личного обихода, изготовленные из драгоценных металлов, богато украшенные цветными камнями.

В первые века н. э. у сарматов происходят значительные перемены, связанные с появлением аланов, которые впервые попадают в поле зрения римских авторов в I в. н. э., причем почти одновременно на Кавказе и на Дунае. Следовательно, уже в это время аланы были мощной племенной группировкой. Тем не менее ранняя история аланов известна очень плохо. Нельзя даже с определенностью сказать, были ли они первоначально наиболее восточными сарматскими или наиболее западными сако-массагетскими племенами. Последнее кажется более вероятным. В китайских источниках упоминается владенье Аланья, расположенное где-то на северо-западе Средней Азии, и даже в начале II тыс. н. э. о каких-то аланах в Средней Азии упоминает Бируни.

¹⁰ Там же, XI, 2, 1.

Обстоятельства продвижения аланов в Восточную Европу также малоизвестны. Можно только предположить, что они были связаны с очередным движением кочевников в западном направлении, которое в рассматриваемое время охватило всю степь. По словам последнего крупного римского историка Аммиана Марцеллина, «аланы мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности». Эти народы, «живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение»¹¹.

Сарматские знаки на стене погребального склепа в Керчи.

Аланам суждено было сыграть особую роль в сарматской истории – впервые за много столетий они объединили большую часть сарматских племен Восточной Европы. Помимо собственно аланов их объединение, вероятно, включало в себя аорсов, сираков, часть роксоланов и другие племена, в том числе и несарматские, например земледельцев меотов на Северном Кавказе. Археологическим подтверждением всех этих событий является исключительное единообразие позднесарматской культуры середины II–IV вв. н. э. на широких пространствах Поволжья, Подонья, Северного Кавказа и Украины.

Зато сама она претерпевает довольно значительные изменения. Несколько веков сарматская культура развивалась без резких изменений – раннесарматская, или прохоровская, археологическая культура довольно плавно и постепенно переходит в среднесарматскую, или сусловскую, конца II в. до н.э. – начала II в. н.э. Однако позднесарматская культура уже сильнее отличалась от своей предшественницы; в частности, в ней имелось довольно много восточных элементов. Очевидно, тут сказались среднеазиатские связи аланов (близость материальной культуры или непосредственное родство), а также влияние тюркоязычных кочевников, двигавшихся на запад из Центральной Азии и Сибири.

¹¹ Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 2, 13, 17.

Уже упоминавшийся Аммиан Марцеллин оставил описание алан и их образа жизни. Несмотря на то, что историк следовал канону, установившему в античной литературе для описания кочевников, он все же ввел в него любопытные этнографические подробности.

«У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми крышами из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и, куда бы они ни пришли, то место и считают родным очагом...

...Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами...

...Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами: они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей... Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека»¹².

К IV в. н. э. аланское объединение успело просуществовать около трех веков, а сарматы в его рамках явно шли к слиянию в единый народ. Гуннское нашествие прервало этот процесс раз и навсегда.

Вторгнувшиеся в середине IV в. н. э. в Северное Причерноморье гунны нанесли сарматам и аланам сокрушительный удар. Одни были физически уничтожены, другие оказались в зависимости от гуннов, третьи, отступая, откатывались на юг – на Кавказ – и на запад. Начался последний этап сарматских миграций. Подавляющее большинство сарматов и аланов было непосредственно вовлечено в Великое переселение народов, принимало участие во многих его важнейших событиях. Но разбросанные по разным областям и странам, вынужденные дробиться на все более и более мелкие группы, оказавшись в непривычной экологической обстановке, сарматы раньше или позже, но были ассимилированы другими народами.

---

¹² Там же. История, XXXI, 2, 18, 20, 21, 22.

Наиболее западное сарматское объединение – язиги – было в составе тех племен, которые вместе с римским полководцем Аэцием нанесли решающее поражение предводителю гуннов Аттиле в битве на Каталаунских полях в 451 г. Впоследствии язиги воевали с различными племенами в Паннонии и Верхней Мезии, на территории современных Венгрии и Югославии, были разбиты остготами, но даже в конце VI в. еще упоминались в источниках. Роксоланы сошли с исторической арены значительно раньше, не позднее IV в., когда они под давлением остготов, в свою очередь испытывавших давление гуннов, покинули румынскую равнину. Часть их искала убежища в римской провинции Мезия, часть примкнула к язигам.

Наиболее замысловато сложилась судьба аланов. Под давлением гуннов часть их уже к концу IV – началу V в. оказалась далеко от Северного Причерноморья. В V в. отдельные группы их были рассеяны и на Балканах, и в Северной Италии, и в Галлии – на территории современной Франции. До сих пор свыше 30 географических наименований во Франции содержат слова «сармат» или «алан». Наряду с гуннами и готами аланы были главными противниками умирающей Римской империи. Но в битве на Каталаунских полях и они выступили на стороне римлян. Однако Аэций им не доверял, подозревая в желании перевернуться к Аттиле.

Еще раньше, в последний день 406 г., аланы вместе с германским племенем вандалов перешли Рейн и расселились в Галлии. Часть их вместе с вандалами проследовала дальше в Испанию. Существует мнение, что следы пребывания аланов в Испании сохранились до сих пор в названии Каталония (Гот + Алания), но многие ученые эту этимологию оспаривают. В 418 г. в Испании в битве с вестготами погиб последний аланский король Аддак, и «уничтожилось аланское королевство». Аланы окончательно влились в объединение вандалов и вместе с ними в 429 г. завоевали Северную Африку! Вандалами же они и были ассимилированы, и короли вандалов именовали себя «королями вандалов и аланов».

Изображение хищников в сарматском искусстве («звериный стиль»).

Кровь сарматов и аланов течет в жилах многих народов. Довольно большую роль сыграли они и в славянском этногенезе¹³. Славянские языческие боги Хорс и Симаргл и даже украинский Вий имеют иранское, по-видимому, сарматское происхождение. Сарматское наследие в культуре и искусстве многих стран и народов сохранялось на протяжении большей части средних веков. Но лишь один народ может считать себя прямым потомком аланов, хотя не только их одних, – это осетины, говорящие на языке иранской группы.

Различные группы аланов в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья, а также в Крыму упоминаются в источниках даже в начале II тыс. н. э. Однако нет уверенности в том, что между аланами VIII в. н. э. и аланами древности существовала непосредственная генетическая и территориальная преемственность. Зато слово Сарматия для обозначения Северного Причерноморья и Восточной Европы вообще, а также России, сохранялось в ученых трактатах вплоть до нового времени, тысячу лет спустя после того, как сами сарматы покинули историческую арену. Покинули, почти канув в безвестие, в отличие от своих сородичей – скифов, оставив след по себе лишь в умах специалистов, занимая в народной памяти значительно меньшее место, чем то, которое принадлежит им по праву.

---

¹³ Седов В. В. Ранний период славянского этногенеза. – В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.